

Махкам МАХМУДОВ

РАССКАЗЫ

Я-НЕ Я

Фантастический рассказ

*Народному художнику Узбекистана
Чингизу Ахмарову посвящается*

Кто-то позвонил. Настойчиво, нетерпеливо... Я поспешил открыть.

В двери стоял... мой двойник. Он выглядел старше моих лет, и, тем не менее, на его усталом лице озаренные каким-то внутренним светом сияли молодые глаза.

- С днем рождения, Бехзад! Я совсем забыл о том, что у тебя сегодня такой день. Хорошо, чужие люди сказали, - мягко упрекнул он меня. - А ведь ты, наверное, уже и гостей пригласил, да не каких-нибудь, а знатных.

- Да что ты! - попытался оправдаться я, - хотя он попал в самую точку. Только вчера узнал, сколько мне лет, да и то спасибо нашему главному художнику... он напомнил...

Я сказал это, конечно, желая подчеркнуть свою близость к главному художнику нашего театра.

- Кажется, я пришел некстати? - пробормотал гость, переминаясь с ноги на ногу и раздумывая, зайти ли ему в холл. Ему, видимо, было безразлично все, что творилось за порогом этой квартиры, и он бегло осматривал полотна, висевшие в прихожей.

Что ему ответить? Внезапно нахлынули неприятные воспоминания, связанные с моим двойником.

Незадолго до его прихода я принимал в своей вилле на

зеленой окраине столицы гостей - людей солидных, с положением. Разговор шел о моих работах.

- А что скрывают недра этих гор? - спросил хорошо известный во многих странах сотрудник влиятельной газеты "Вэг", указывая на одно из полотен.

Гости с нескрываемым удивлением посмотрели на него.

- Кроме бурной реки, я ничего не вижу, - иронически заметил поэт Азамат. Этот плюгавый, но высокомерный человечек сочинял весьма посредственные стихи, зато не признавал великих своих современников, всех до единого называя бездарями. А я его уважал - он хвалил мои картины.

- Вот как! Но ведь здесь изображен лес, в котором, пожалуй, можно заблудиться, - слегка улыбнувшись, вставил сидящий рядом с Азаматом располневший, с рыжеватыми усиками композитор Сайфи.

Еще совсем молодым он писал хорошую музыку на пустыньские стихи бездарных поэтов. Но мы так привыкли к этому, что, поступи он иначе, - мы, пожалуй, его не поняли бы.

- Что вы, что вы! Или я не разбираюсь в искусстве, - вмешался худощавый черноглазый искусствовед Омар, - или вы нарочно не замечаете газель, жадно пьющую воду из ручья? Посмотрите, как она пуглива - любой шорох, и она готова обратиться в бегство, - Омар прекрасно разбирается в искусстве, но почему-то расхваливает художников, о которых заведомо знает, как они бездарны. Каждый, конечно, понимает, что это нехорошо, но никто не скажет Омару в лицо всего, что о нем думает. Ведь тогда придется выслушивать правду о себе. А у кого из нас нет своей "ахиллесовой пяты"?! Только глупцы не стесняются говорить все, что им вздумается, но кто же пустит такого человека в порядочное общество!

Сегодня все наперебой расхваливали картины, хотя прекрасно знали, что создавал их не я. Вокруг этих картин споры не утихают до сих пор, это настоящее искусство. Странные с современной точки зрения, они полны необъяснимой

загадочности и очарования, от них трудно отвести взор. И мои друзья, пожалуй, искренне хвалят их наперебой.

Но подозревают ли они, как я ненавижу эти картины? Ненавижу, хотя они висят в моем доме, хотя многие восхищаются ими.

Теперь я не могу так писать. Да и зачем! Мои друзья рады, что я пишу уже иначе. Они знают, что такие картины не в почете. Славу мне принесут произведения, которые я создаю сейчас.

- В молодости ты был выдающимся художником, - вздохнув, заметил мой друг-журналист. Говорит он об этом всякий раз, когда приходит ко мне. И всякий раз я затрудняюсь понять: восхищается он тем, что было, или сожалеет. А может быть, он иронизирует? Может быть, не верит, что я имею к этим картинам какое-то отношение?

Пусть эти картины писал мой двойник, утверждающий, что это различные воплощения его возлюбленной, прекрасной Дурданы. Но ведь когда-то и я любил Дурдану! Правда, истинным влюбленным был не Я. Ибо...

Я облокотился о спинку дивана, рассеянно слушая разговор. Взор мой бесцельно скользил по пейзажу. Вдруг перед глазами стали всплывать картины детских лет. Только видел я их как-то странно, отчужденно - будто не мое это было детство, а другого человека.

Кто он, мальчуган со светлыми глазами? Он похож на меня. Однако это не я. У него есть сердце. Настоящее сердце. А у меня его нет. Об этом люди не догадываются. А может, и догадываются, но те, у кого, возможно, тоже нет сердца, - молчат. Впрочем, мне не дано судить об этом.

Вечер. На широкой лужайке, вместе с другими детьми, сидит этот очень похожий на меня мальчик и слушает сказки. Он слышит таинственный шорох в густой чаще деревьев. Издалека доносится глухой крик совы. Над полем джугары по небу медленно плывет луна. Ее голубоватым светом окутан огромный платан, простерший густые ветви над онемевшим от

любопытства и душевного трепета мальчуганом...

Матушка любила рассказывать нам о Синдбаде-мореходе и страшном одноглазом циклопе. Убаюканный ее певучим, сладким голосом, сквозь дрему я смотрел на огромную чашу неба, по которому, как блестящие зернышки проса, рассыпаны звезды. А в предрассветный час, когда начинал хрипло кричать петух, я, конечно же, не спал и не мог оторвать глаз от Млечного Пути - мне казалось, что рассвет начинается там, на затерянной в огромной бездне дороге. Кто проложил ее? Ах, как мне не хотелось уходить домой!

Иногда мать рассказывала о прекрасной фее Дурдане. "Дурдана - вечно юная красавица; тот, кто встретит ее и полюбит, тоже будет жить вечно, говорила мать, и странная улыбка озаряла ее лицо. Дурдану могут увидеть лишь одаренные и благородные люди, потому что Дурдана - фея вдохновения".

Я повзрослел, уехал учиться, чтобы стать художником. И все это время жил сокровенной мечтой - увидеть вечно юную фею Дурдану.

Однажды всю ночь напролет я читал старинную книгу. В предрассветный час, когда солнце только-только начинает золотить краешек неба, возник перед моим окном великолепный пейзаж: на изумрудном поле розовели кроны персиковых деревьев, белопенными стали урючины. Сладко веяло чем-то нежным, прохладным.

Вдруг легкий порыв ветра неслышно открыл дверь. Я повернулся - и онемел! Передо мной стояла она, моя фея! Глаза ее были грустными и задумчивыми, длинные ресницы едва заметно трепетали, словно она хотела что-то сказать - и не решалась.

В это мгновение я услышал дивную музыку, вся комната наполнилась сияющим светом. Неужели это запела моя душа?!

-О, не удивляйтесь!-раздался нежный голос.-Да, да! Я- фея, я - ваша мечта. Я - Дурдана.

"Конечно, конечно! Кем же еще можешь ты быть, прекрасная незнакомка, явившаяся мне на рассвете, словно солнечный луч!

Наконец-то! Я ждал тебя столько лет!" - хотелось мне крикнуть, но слов не было...

Дурдана поняла мое волнение... Она улыбнулась и, едва придерживая длинный подол своего голубого воздушного платья, присела на край моей постели.

- Вы не уйдете? - прошептал я. Юная фея нежно посмотрела на меня и опять улыбнулась. Эту улыбку не передашь ни словом, ни краской, ни звуком. Ее можно только бесконечно созерцать. И тем не менее я взял кисть.

Она сидела тихо и разглядывала книги - мое достояние. А я писал, ни на миг не задумываясь над тем, что делаю, - кисть сама, казалось, летала по холсту.

... Вдруг эту божественную тишину разорвал хриплый крик петуха. Первый луч солнца упал на подоконник. Встревоженная фея поднялась, положила книгу.

- Прощайте, мой друг. Я приду! - И, легко придерживая двумя пальцами подол своего чудесного платья, мгновенно исчезла.

Долго я стоял, глядя туда, где только что улыбалась девушка неземной красоты. Потом перевел взгляд на холст. И... о чудо! С полотна на меня глядели изумительные глаза газели - пугливой, грациозной. Словно она пришла на водопой и засмотрелась на водную гладь, в которой переливами света играет горная речка...

... Она снова пришла ко мне, Дурдана! Теперь я уже ждал ее, ждал и холст, натянутый на подрамник в моей комнате. Я не знал, смогу ли снова работать, но разве можно было забыть те минуты, когда моей рукой двигало сжигающее душу вдохновение...

Дурдана навещала меня еще и еще. Я перестал бывать на занятиях. До рассвета писал, а потом в изнеможении валился на кровать и, как убитый, засыпал. День и ночь смешались...

... Но однажды фея пришла очень печальная. "Случилось недоброе", подумал я.

- Вы разве ничего не знаете? - спросила она, присев по привычке на краешек моей постели. - Вашего любимого учителя...

Глаза ее затуманились...

- Что с ним? - прошептал я, сраженный догадкой.

- Его лишили работы... Такого человека...

Казалось, она не может продолжать... Дурдана пересела поближе, словно готовясь рассказать мне длинную историю, и доверчиво улыбнулась, заметив, как я заволновался, почувствовав ее близость...

- Он, как и вы, когда-то любил меня. Но в этом обществе, в мире наживы трудно тому, чьи чувства чисты. Меня многие считают колдуньей...

Я и впрямь слышал нечто подобное. Напрягая память, вспомнил. Как-то в институте говорили о том, что Дурдана - колдунья, что ей две тысячи лет, но она, превратившись в восемнадцатилетнюю девушку, совращает молодых простачков, и жертв ее - не счесть. Я тогда пропустил все это мимо ушей, как вздорный вымысел... Но вот сейчас... неужели это серьезно?..

Наш новый преподаватель по классу рисунка господин Хамави низенький, гладко причесанный, со сверлящими собеседника глазами - знакомился с нами долго, изысканно, на аристократический манер. На первом же занятии он принялся излагать суть нового метода в искусстве.

- Задача художника - приносить пользу обществу, - заявил он безапелляционно, глядя вверх, на резной потолок. - Когда я говорю "пользу", я имею в виду произведения, отвечающие требованиям нашего сегодняшнего дня...

Я, словно не обратив на это никакого внимания, спросил:

- Что подразумевается под термином "полезное искусство"?

Все взгляды устремились на меня.

Новый учитель не скрывал раздражения.

Переведя дух, он продолжал все так же торжественно:

- Для этого достаточно применить искусственные глаза, а они не позволят людям отвлекаться для созерцания цветов и оттенков.

Искусственные глаза!.. Мы переглянулись. И вдруг увидели: новый учитель смотрит как-то особенно: прямо перед собой,

почти не моргая.

А он продолжал, и все больше креп, набирал силу его жуткий голос.

- После продолжительных, долголетних научных исследований я изобрел такие глаза! Они упрощают жизнь, ибо различают лишь черный и белый цвета, сглаживают различия. В нашу эпоху, в век электроники и лазеров пересадка таких глаз не составляет особых трудностей. И я первым, на себе, применил свое изобретение! Я смотрю на вас и вижу всех вас одинаковыми.

Стеклянные глаза нового учителя впились в нас так, словно этот человек хотел высверлить из нас все неугодные ему мысли.

В аудитории водворилась тревожная тишина. Мы затаили дыхание.

- Отныне вы должны пользоваться искусственными глазами, - закончил наш новый учитель тоном, не терпящим возражений, и устало опустил в кресло. Ибо сейчас нет необходимости искать сложные цветовые гаммы. - Он уставился на искусную резьбу на кресле, что, очевидно, решило его дальнейшую судьбу.

- Всем ли обязательно пользоваться этими новыми глазами?

Студенты, как по команде, повернулись в мою сторону, и было видно, что мой вопрос некоторым показался неуместным. Пронзительный взгляд учителя остановился на мне, казалось, ноги мои одеревенели.

- Всем не обязательно, - многозначительно ответил он наконец, - но художникам, использующим передовой способ, открыты все пути... Нетрудно было догадаться о смысле этих слов...

Прозвенел звонок, и мы облегченно вздохнули.

* * *

Расстроенный, я брел бесцельно по раскаленным улицам и попал в заброшенный загородный сад. Оглядевшись, заметил каменную скамью, на которую я и присел.

Солнце еще не зашло, в саду было сумрачно и неуютно. Сильный ветер гнул деревья, тревожно шелестела листва, вода в полуразрушенном мраморном бассейне покрылась беспокойной рябью. Ветки огромного дерева хлестали по гранитной голове памятника какому-то древнему ученому, словно стремясь сорвать с него чалму. Вдали, в глубине сада, виднелся старый с зубчатым карнизом дворец. Шелковые шторы на его окнах рвал ветер, рни пламенели в зареве заката. Ветер принес бурю. Рослые платаны вокруг дворца содрогались от сильных порывов ветра, их слабый стон напоминал стенания больного. Вдруг, осветив небо, ударила молния. Она ослепила меня, показалось, что на голову со всего размаху обрушилась огненная сабля... Я упал, как подкошенный, и потерял сознание...

Когда я пришел в себя, буря утихла, и на темном небе мерцали звезды. Удивительно, но я чувствовал себя непривычно легко, как будто сбросил с себя тяжесть, казалось - могу взлететь высоко-высоко...

Опираясь о землю руками, я встал на колени, оглянулся и вздрогнул - на траве рядом со мной лежал юноша. Он, по-видимому, был в глубоком обмороке. Я вгляделся в его лицо, и меня охватило смятение - как две капли воды, юноша был похож на меня! Я побежал к бассейну, принес воды и попытался напоить юношу. Приложил ухо к его груди - сердце бьется... И все уверенней, сильнее. Наконец юноша открыл глаза, посмотрел на меня, видимо, тоже с удивлением узнавая во мне знакомые черты, и тихо, с налетом иронии, сказал:

- Ты лучше послушай свое сердце. Есть ли оно у тебя?..

Оторопев, я приложил руку к левой стороне груди. Как будто ничего не слышно... Не может быть!..

- Да, не удивляйся. Сердце у нас с тобой одно на двоих, и оно у меня, - он показал на свою грудь.

- А кто ты такой? - Я не очень-то поверил его словам.

- Я - это ты.

Голова у меня закружилась, я едва удержался на ногах.

Пошарив в карманах, нашел сигареты, закурил и предложил ему. Мы долго молча курили. Наконец он заговорил:

- Ты был несправедлив к фее Дурдане. Эта девушка - самая прекрасная на свете. А ты поверил чепухе, которую болтают о ней люди непорядочные. Я очень люблю ее, да и ты ведь любил.

- Нет, - поспешил возразить я. - Я ее не люблю. Она колдунья. Ей тысячи лет, и она превращает каждого, кто к ней стремится, в комок пыли...

- Брось, все это сплетни господина Хамави. Ты просто боишься. Боишься, что и тебя могут выгнать из института, как выжили старого учителя. А ведь у каждого таланта, в сущности, есть своя фея, своя вдохновительница. И у людей, проживших тысячу лет, тоже были свои феи...

Я раздраженно махнул рукой и ушел. А он отправился искать свою фею.

* * *

С того дня я жил без сердца. Так было легче. Я уже не совершал необдуманных поступков, а руководствовался трезвым рассудком. И фея Дурдана больше не приходила ко мне...

Шли дни, недели, месяцы - унылые, однообразные. Хамави все чаще хвалил меня, и я втягивался в свою новую жизнь. И мне уже не казалось удивительным, что там, где раньше билось сердце, теперь пусто и спокойно. Иногда я приходил в ужас: а вдруг окружающие узнают, что у меня нет сердца? И я старался отдалить от себя всех, с кем дружил раньше, кто был мне когда-то дорог. О двойнике я тоже старался не думать - это было мучительно.

Закончилась учеба и меня взяли в оперный театр. Господин Хамави дал мне отменную аттестацию, он назвал меня самым способным и перспективным молодым художником.

Получив столь завидное место, я решил вести себя так, чтобы понравиться главному художнику, войти к нему в доверие и

добиться успеха.

Однажды Главный, посмотрев декорацию, посоветовал "убрать" с нее величественный дворец. Я охотно это сделал-дворец напоминал тот, возле которого меня застала в памятную ночь буря. Изучив вкус своего начальника, я стал убирать с декораций все, что носило необычность, что придавало им возвышенность, романтичность. Теперь действие шло среди приземистых угрюмых зданий, при этом обязательно черно-белых. В духе времени. Постепенно приходило признание, я стал вхож в общество, где можно было наслаждаться радостями жизни.

А тот, у которого мое сердце, все бродил где-то, босой и голодный.

Однажды он навестил меня, и мы мирно беседовали. Теперь мне это было уже не страшно - я твердо стоял на ногах. И тем не менее каждый его приход привносил в мою жизнь что-то для меня нежеланное, и это причиняло мне боль...

Однажды он появился рано утром - тихо, неслышно, точно привидение. Обратился ко мне так, словно мы беседовали всю ночь и теперь продолжаем разговор.

- Видишь горизонт, что купается в заре? Ты только посмотри, сколько красок! Какие тончайшие переливы света? Да посмотри же! Он сжал мое плечо так сильно, что я едва не вскрикнул от боли. - Такую зарю ты видел только в детстве! Возьми же поскорее кисть, ведь с каждым мгновением заря меняется, ты не успеешь передать все ее краски!

Я посмотрел на пурпурный край неба и заколебался. Но тут же вспомнил равнодушное лицо Главного. О, это бесстрастное лицо! Сколько злобы и ненависти за этой маской! Стоило кому-то из нас опоздать, как он начинал шипеть, словно змея, и в театре поднималась буря.

"Нет, с Главным художником лучше не ссориться!" - подумал я и, не обратив внимания на слова призрака, поспешил в театр.

А тот преследовал меня и убеждал:

- Велика беда, если опоздаешь! На работу ты ходишь каждый день, а вот такая заря может и не повториться... Смотри, сколько в ней сегодня оттенков - от зеленоватого до красно-голубого... Быстрее возвращайся и берись за кисть!

- Да пойми - мне некогда! - я выходил из себя. - Сегодня я должен написать лозунг: "Любите прекрасное". Если я этого не сделаю, меня выгонят с работы.

Мой двойник усмехнулся:

- Людям нужны не лозунги о прекрасном, им нужна красота! Если бы ты был подлинным творцом и творил красоту, этого бы хватило, чтобы оправдать твою жизнь!

Я рассмеялся.

- Вот ты творишь прекрасное, а кто понимает созданные тобой шедевры? Люди-то ценят картины, которые хвалит критика.

- Ты говоришь о тех, кто выше всего ставит сытость, о тех, в чьих душах - пустота. А я творю для того, чтобы сеять семена цветов в пустыне душ.

- Сытые не поймут твоего искусства, они посмеются над тобой...

- Ты не прав. Не все превратились в камни, окаменели душой. Но оставим этот разговор. Посмотри лучше на горизонт! Краски уже потускнели, еще немного - и они исчезнут!

Я равнодушно смотрел на небо:

- Честно говоря, все эти оттенки, так удивившие тебя, мне кажутся серыми...

- Потому что у тебя искусственные глаза?

-Да.

- Зачем ты приобрел их?

- Они избавляют человека от усталости, облегчают жизнь.

- Ты боишься жизни?

Его вопросы раздражали меня и, вместе с тем, будили нечто похожее на угрызения совести.

- Иди, не сбивай меня с дороги, - бросил я двойнику в гнев.

- Тебя уже сбили с истинного пути, но я хочу тебе помочь. Ты должен вернуться к настоящему...

- Не мешай! Ты расплещешь краску, которую я несусь.

- Черную!

Он резко остановил меня, посмотрел прямо в глаза.

- Ты не художник. Ты... ты...

Несколько месяцев он не попадался мне на глаза.

Откровенно говоря, я боялся двойника. Отчего, отчего он преследует меня, отчего не дает жить спокойно, ни о чем не заботясь?

Он появляется тогда, когда я вспоминаю детство, и тогда, когда я беспечно веселюсь с друзьями. Появляется худой, изможденный. Может, это оттого, что его гложет неведомое мне горе!

Нас связывают с ним какие-то таинственные нити. Чем выше поднимаюсь я по служебной лестнице, тем скорбнее становится его взгляд, тем все жалче выглядит он. Стоит мне получить большой гонорар - он впадает в нищету, собирая на кусок хлеба. Чем богаче и элегантнее мои костюмы, тем больше заплат на его ветхой одежде.

Но пусть он пеняет на себя! Попал под влияние красавицы Дурданы лишился спокойной жизни! И все из-за какого-то вдохновения, каких-то мифических принципов. Ему не понять, что главное в жизни - преуспевать!

И вот он, моя совесть, снова передо мной, словно призрак. Пришел поздравить меня, значит, и себя, с сорокалетием. Не забыл... А вот я уже стал его забывать. Легко без совести.

А он буквально читал мои мысли:

- Хочешь знать, зачем я пришел? Знай: тебе уже сорок лет! Зрелая пора жизни. Можешь ли ты сказать, что уже сделал что-то во имя великого искусства? Уверен ли ты, что люди будут помнить о тебе, о твоём творчестве?

Я постарался рассмеяться как можно беспечнее:

- Послушай, правдоискатель! Все восхищаются моими

картинами. Критика считается с моим мнением. У меня появилось много учеников. И все они любят и уважают меня.

- Как ты наивен, - ответил двойник с горечью. - Да тебя просто боятся. В лицо тебя хвалят, восторгаются твоими ничтожными творениями, а за твоей спиной смеются над ними. Ведь ты, сознайся, в душе смеешься над тем, что публично расхваливаешь! И так вы все лицемерите!

- Хватит, - разозлился я, - не болтай глупостей! Ты всегда завидовал мне, моему росту - отсюда все твои сентенции!

- Это верно, слава твоя растет... А ты опускаешься все ниже и ниже...

- Замолчи, - закричал я, не в силах больше сдерживаться. - Ты лишь моя тень, жалкое мое подобие!

Он расхохотался впервые за много лет.

- Да знаешь ли ты, что я твой талант. Ты не дорожишь своим талантом и потерял его. Я возвращался к тебе вновь и вновь, но ты гнал меня прочь! Так прощай же... Больше ты никогда не встретишь меня.

Он ушел. Я стоял пораженный, не зная: броситься за ним или вернуться к гостям? Он ушел, а я остался - без сердца.. .

Перевод Исфандияра

ПОВИЛИКА

Фантастический рассказ

*Востоковеду
Лазизу Азиз-заде посвящается*

*Никто не обязан быть великим или мудрым,
но всякий обязан быть честным.
Аксель Берг*

Аромат цветов наполнял дворик, снимал усталость. Мурад поливал клумбу, а мысли его были далеко. Он вернулся с работы, но продолжал думать об институте, о лаборатории...

Как трудно жить, зная, что судьба дела, которому ты отдал столько сил, висит на волоске. В институте настойчиво поговаривали о том, что лаборатория вот-вот закроется. А ведь еще вчера будущее проблемы, которую разрабатывал вместе с другими младший сотрудник института полимеров Мурад Тахиров, казалось таким надежным и ясным.

Задумавшись, Мурад уронил шланг. Хотел поднять его и низко нагнулся над цветами, ноздри защекотал острый, пряный запах райхана. И надо же, заметил Мурад, стебли этого удивительного растения опутали бледные щупальцы повилики. "Хищница эта повилика, даже корней нет, а душил цветок... Надо бы освободить райхан от сорняков. Но... сегодня слишком устал, как-нибудь потом..."

Дома он улегся на диван, и взгляд его невольно обратился к портрету покойного учителя, висевшему рядом с книжным шкафом.

В последнее время Мурад во сне стал видеть профессора Алиева.

Как гордился Мурад, когда руководителем его научной работы назначили этого известного ученого, слава о котором гремела по всей вселенной! И на Земле, и на других планетах с интересом следили за работой его единственной в своем роде лаборатории, которой прочили огромное будущее. Даже поговаривали о том, что она вот-вот станет крупным институтом и будет разрабатывать проблемы антикатализа.

Ведь это Алиев открыл первичный антикатализатор, который, вместо того, чтобы ускорить все химические, физические и механические процессы, привел к обратному - воссоздавал первичное состояние материи. Кирпичи прославленных архитектурных памятников - медресе Биби-Ханым, мавзолея Гур-Эмир и других несколько веков занимали определенное пространство. И вот открытие воздух, заполнивший место вывалившихся из кладки кирпичей, обладает особыми качествами: в нем образуются слабые магнитные поля. Профессор Алиев, благодаря своему антикатализатору, направлял процесс тления, распада как бы вспять, возвращая, таким образом, здания в истинное, первичное состояние. Величайшее открытие, позволяющее стряхнуть с них пыль веков и увидеть в полном блеске и совершенстве!..

Памятникам больше не грозила опасность рассыпаться в прах.

Опыты пока произведены на редчайших находках в древнем Хорезме, наиболее подвергшихся тлению. Антикатализатор открывал перспективу возвращения молодости многим другим материалам...

Если задуматься над тем, что это сулит, - голова кружится! Это ведь подлинная научная революция в постижении древней истории!

Мурад Тахиров только начал изучать проблемы антикатализа, - как внезапно скончался профессор Алиев, не

успев подобрать учеников, последователей. А теория без преемников не имеет будущего.

Не будь у Беруни или Авиценны последователей, и мир не узнал бы об их открытиях!

Новая лаборатория осталась без руководителя. И на Земле, и даже во Вселенной немало талантливых профессоров химии, но нет человека, который смог бы продолжить дело Алиева. Без руководителя теперь и научная работа Мурада.

От этих размышлений молодого ученого отвлек колокольчик на калитке. Он звякнул как-то необычно, словно к нему едва прикоснулись, как прикасается ветер, как падает тяжелая капля дождя...

Мурад выскочил во двор. Тонкий серп молодого месяца едва серебрил верхушки тополей. Мурад выглянул за калитку. Никого. Стало как-то не по себе. А кто же звонил?

Он обратил внимание на почтовый ящик - в нем что-то белело.

А ведь когда он заходил в дом, ящик был пуст.

Разглядев надпись на конверте, он не поверил своим глазам: это было письмо от... профессора Алиева!

"Я, наверное, схожу с ума, - подумал химик, но тут же попытался взять себя в руки: - Этого не может быть!"

Почерк на конверте был знаком, он знал каждую завитушку ученого. Нет, он не мог принадлежать никому, кроме профессора!

Мурад медленно вошел в дом, испуганно глядя на письмо. "А вдруг, -пришло ему в голову, -г- профессор действительно написал ему с того света, и письмо каким-то чудом нашло адресата?"

Дрожащими руками он включил свет и распечатал конверт.

"Салом, Мураджан!" Так начиналось письмо. Мурад вскочил, потом вновь сел.

"Не удивляйтесь тому, что я пишу это письмо... Ведь именно вам я хотел передать весь свой опыт, все свои знания. Вы казались мне самым одаренным из моих учеников. Я был

растроган вашими искренними слезами на моих похоронах...

Мне было приятно, что в день моей смерти был объявлен вселенский траур, что обо мне говорили тепло, не так, как при жизни, а ведь это бывает далеко не всегда! Да, я работал, не жалея себя, и всегда думал только о своей работе. Вы ведь знаете, что у меня в жизни больше не было ничего другого. Вот почему я пишу это письмо. Но начну с событий, которые произошли еще до вашего прихода в лабораторию...

С Марса к нам, в Академию Земли, прислали молодого ученого. Умная, обходительная, энергичная, Клара на первых порах понравилась всем. Каждое поручение она выполняла в срок, аккуратно, точно. Однажды я даже решил: буду заниматься с ней, чтобы со временем посвятить ее в тайны моего открытия. Но потом заметил - она не любит нашу Землю... Памятники человеческого гения вызывали у нее скуку, она хотела успеха в науке ради самого успеха. Не знаю, чем это объяснялось. Может быть, тем, что она не хотела отдавать Земле силу своего ума, а на Марсе таких великолепных памятников зодчества нет. И я отказался от своего решения - не стал передавать ей свой опыт. Я стал ждать человека, ученого, который по-настоящему загорится моей идеей, в ком талант и страсть к науке переселят все иные соображения. И я дождался такого человека: это были вы. Но мы работали вместе так недолго...

Конечно, я полагал, что после моей смерти Клара захочет стать руководителем единственной в мире лаборатории, желая только славы, славы о себе, которая будет греметь во всей Вселенной.

А душа? Она была абсолютно холодна к делу моей жизни.

- Ищите руководителя! - заявила она после моей смерти на заседании президиума Академии. - Но если найдете... Возвращусь на Марс, меня давно туда зовут, на работу...

Президент разгадал игру женщины с Марса и ответил ей иначе, чем она ожидала. Мой друг Садыков заявил во всеуслышание:

- Как вам известно, другие ученые не знают - над чем работает лаборатория, и потому не могут руководить ни опытами, ни ею. А вы... Вы занимались только полимерами, а не антикатализатором. Ближе всех к этому делу стоял младший научный сотрудник Тахиров. Он парень талантливый, в будущем вполне может руководить лабораторией. Но ему не хватает официального научного звания. Вот вы, и помогите ему. И мы с вами вырастим еще одного талантливого ученого...

Услышав это, Клара опешила. Обычно с марсианами на Земле считались. Но она тут же перестроилась:

- Ну, конечно, Тахиров талантлив... Но он еще так молод, - она улыбнулась. - Как говорится, молодо-зелено... И я не думаю, что из него после смерти профессора получится что-либо путное. Лучше, - добавила она, помедлив, - лучше всего закрыть лабораторию- и все тут! Аппаратуру можно использовать в других институтах...

Признаюсь вам, дорогой Мурад, в эти минуты душа моя затрепетала. Нежные губы прелестной молодой женщины произносили приговор моему открытию... Произносили так просто, так обычно... Да неужели, скажите мне, стремление к карьере настолько заразительно, что оно способно убить даже идею, которая принесет пользу всему человечеству? Мой ум отказывался это понимать.

И еще. В нашей работе стало много паразитов. Знаете, есть такая трава - повилика? Незаметная, бледная, она, тем не менее, губит полезные растения, незаметно выпивая из них все соки... Если вы проворонили ее в своем цветнике - беда!

Ну, ладно, не расстраивайтесь. Еще не поздно... Вырывайте сорняк. Если необходимо, не щадите цветы, что растут рядом..."

Мурад не смог дочитать до конца. Что-то громко треснуло, и он проснулся. Сильный ветер вдребезги разбил оконное стекло. Жена, вставшая раньше, стояла над ним и улыбалась: "Ничего, это к счастью".

Наскоро умывшись, Мурад выпил пиалушку зеленого чая за

низеньким резным столиком и заторопился на работу. Пересекая дворик, он, по обыкновению, тронул кустики райхана, чтобы вдохнуть их чудесный запах. Наклонясь, опять увидел ядовито-желтые нити повилики. Она как будто подросла за ночь и окрепла.

Тахиров начал с упоением вырывать цепкий, липкий сорняк..

Перевод Исфандияра